
ОТ ВОЛГИ ДО АМУРА: СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОВОЛЖЬЯ И СИБИРИ

Раздел ведут Сергей Лебедев и Сергей Прохоров

Николай Еремин
(г. Красноярск)

ВСЕМ ПО БАРАБАНУ

Николай Николаевич ЕРЕМИН родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области.

Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А. М. Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. и Союза российских писателей с 1991 г. Выпустил в свет собрание сочинений в пяти томах. Свежие публикации — в журнале «Вертикаль» Валерия Сдобнякова (г. Нижний Новгород, выпуск № 35, 2012 г.), в «Журнале ПОэтов» Константина Кедрова (г. Москва, № 8, 2012 г.), в журнале «Флорида» Александра Росина (№ 10, 2012 г., г. Майами), в журнале «Доля» Валерия Басырова (Симферополь № 4(43), 2012 г., в журнале «День и ночь» Марины Саввиных (№ 5, 2012 г., г. Красноярск). Лауреат премий «Хинган» и «Нефритовый Будда» (За стихи, переведенные на китайский язык Хэ Суншанем).

Увы, я родился немым.

Случилось это в военном 1943-м году в прекрасном сибирском городе Абаканске. Помню, в один из праздничных дней моего рождения по городу, как бы специально, кто-то развесил плакаты: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» А по радио мальчик-невидимка пел про веселого барабанщика.

Песня мне очень понравилась. Мой папа, включив радио погромче, маршировал по комнате в такт барабанным ударам и подпевал:

*«Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо.
Вперед продвигались отряды
Спартаконцев, смелых бойцов.*

*Средь нас был юный барабанщик,
В атаку он шел впереди
С веселым другом барабаном,
С огнем большевистским в груди...
Однажды ночью на привале
Он песню веселую пел,
Но, пулей вражеской сраженный,
Допеть до конца не успел.
Промчались годы боевые,
Закончился славный поход.
Погиб наш юный барабанщик,
Но песня о нем не умрет!»*

Помню, как я заплакал после слов «Погиб наш юный барабанщик». Мне стало жалко юного барабанщика, потому что мы жили в бараке на улице Спартаковцев, и барабанщик вполне мог быть одним из моих многочисленных друзей.

Мне захотелось, чтобы у меня тоже был барабан и чтобы я научился на нем барабанить, и чтобы все мои друзья слушали, как я хорошо барабаню, и маршировали бы вместе со мною и с папой.

Мой папа был контужен на фронте, комиссован и как инвалид работал плотником в вагонном депо станции Абаканск.

Я был немым, но не глухим, и все слышал. И хорошо слышал, как однажды в наш барак пришли какие-то люди и арестовали моего папу за то, что он рассказал на работе анекдот про Сталина.

Папу посадили в тюрьму, маму выслали на Дальний Восток, а меня определили в интернат для глухонемых.

В интернате я очень плохо засыпал по ночам. Тогда ко мне подходила старая воспитательница тетя Мотя, садилась на табуретку у моего изголовья, гладила меня по голове и пела мне песню:

*«Белое море, красный пароход.
Сяду, поеду на Дальний Восток.
На Дальнем Востоке пушки гремят,
Белые солдатики убитые лежат...
Мама будет плакать, плакать и рыдать,
А папа поедет на фронт воевать...
Дайте мне подушку, дайте мне кровать,
Сяду на лягушку, поеду воевать!»*

Я представлял маму на Дальнем Востоке, вспоминал папу и засыпал.

В интернате меня приняли в пионеры, повязали на грудь красный галстук и научили играть на барабане. Во время торжеств я всегда стоял у красного знамени, барабан на груди, левая рука с барабанными палочками опущена, правая поднята в салют над головой. А вокруг меня хор воспитателей пел песню про барабанщика.

Но я уже не плакал. Мне уже не жалко было веселого барабанщика, жалко было папу и маму, но к этой жалости я привык.

Когда мне в 1953-м году исполнилось десять лет, Сталин умер, и про него стало можно рассказывать анекдоты. Тогда моего папу выпустили из тюрьмы, а маме разрешили вернуться в прекрасный наш город Абаканск.

Встреча с родителями в вестибюле интерната была настолько для меня неожиданной и радостной, что я закричал:

— Здравствуй, мама! Здравствуй, папа! — и таким образом избавился от немоты.

— Это чудо! — сказала, обнимая меня, моя мама. — Слава Богу!

— Никакое это не чудо,— сказал, обнимая меня, папа.— Просто в интернате очень хорошие врачи, и они вылечили нашего мальчика, ведь, правда, сынок?

— Да,— сказал я,— здесь очень хорошие врачи! — и надел на грудь барабан, и стал отбивать торжественный марш.

На дробь барабана сбежался весь интернат. Все радовались за нас, и поскольку я уже не был немым, меня отпустили, и стали мы жить все вместе в прежнем бараке на улице Спартаковцев.

Мама устроилась уборщицей в школу, куда я стал ходить в третий класс. Папу на прежнюю работу в депо плотником не взяли, и он стал работать могильщиком на кладбище Бадалык.

Жили мы хорошо.

В те годы много людей умирало, и никто из родственников умершего не скупился на похороны, у всех по давней русской традиции было кое-что отложено «на черный день». Так что, можно сказать, в Абаканске были сплошные черные дни. А про белые ночи я тогда еще ничего не знал.

Иногда папа брал меня на кладбище, и там я познакомился с художником-графиком Петром Ивановичем, который на мраморной полированной надгробной плите при помощи молотка и острого закаленного гвоздя высекал портреты умерших.

— Что стоишь, глазеешь? — сказал однажды мне Петр Иванович.— Вот тебе фотография, вот инструмент, попробуй, чем зря время терять.

Я попробовал, и у меня получилось! Да так похоже...

— Как живой! — похвалил Петр Иванович.— Чуток подправлю, и порядок. Вот тебе три рубля за работу.

Три рубля!

Это были деньги.

Сто граммов конфет подушечек стоили десять копеек.

И я почувствовал, как хорошо быть богатым человеком.

Родители поощряли мое занятие.

— Все-таки помощь семье,— говорила мама и забирала у меня заработанные деньги.— Мал еще деньгами распоряжаться. Не думай, что от них одно добро, зла не меньше!

И действительно, чем больше мой отец зарабатывал, тем больше пропивал с могильщиками или в одиночку. Каждый день приходил он с работы пьяным, оправдываясь, что пьет из-за старой фронтальной контузии, вызывающей у него постоянные сильные головные боли. Ругался с мамой все чаще и чаще из-за каждого пустяка и однажды во время очередного скандала умер от разрыва сердца.

Я окончил школу и, освобожденный от службы в армии из-за плоскостопия, занял его рабочее место на кладбище.

И поклялся над могилой отца: никогда в жизни не выпивать!

И сдержал свою клятву.

Можно сказать с уверенностью, что я — единственный трезвенник в Абаканске, поскольку непьющих у нас в городе нет. Все вокруг пьют, веселя душу свою.

Вот и Петр Иванович умер, хлебнув технического спирта...

А я сижу на его табуретке перед мраморной плитой у входа на кладбище и высекаю очередной портрет...

А умершие все богаче, все круче, все авторитетнее. А памятники все дороже, все вычурнее, а портреты все крупнее...

И, в конце концов, решил я поставить свое дело на широкую ногу. Прошелся по художественным школам, отобрал десять молодых одаренных парней, обучил их графическому мастерству, заставил свою маму окончить курсы бухгалтеров, заказал печать, открыл счет в банке, зарегистрировал ООО «Мрамор» — и дело пошло.

Деньги делают деньги, а я — свободный частный предприниматель — руковожу процессом.

А как построил себе трехэтажный коттедж и переехал туда с мамой из барака на собственном мерседесе, так стал подумывать о женитьбе.

Вокруг молодые преуспевающие бизнесмены по саунам да по ночным клубам счастья своего ищут. А я не такой. Женский контингент этих заведений хорошо известен — жадные вертихвостки...

Мне же хочется, чтобы невеста моя была и умной, и красивой, и верной, и хозяйственной, и доброй, и страстной, когда надо, короче, и женой и любовницей одновременно.

Этакой сказочной Василисой прекрасной.

Только где ее возьмешь?

Пораскинул я мозгами и придумал. Решил организовать духовное общество под названием «Взаимный интерес» при областной библиотеке, чтобы приходили туда, кто хочет, пели, стихи читали, раскрывали свои таланты, данные от Бога, разговоры вели, чай с конфетами и печеньем пили...

Директор библиотеки ухватилась за мою идею.

Организовал я рекламу на радио, телевидении, в газетах и в журналах — и надежды мои полностью оправдались!

Она возникла на третьем музыкально-поэтическом вечере.

Назвалась Татьяной.

Красавица, умница, стихи пишет, на гитаре играет, музыку сочиняет — и поет, да как поет! — ангельским детским голосочком. Закроешь глаза — и кажется, что ты опять маленький мальчик, и не можешь уснуть, а хочется, и откуда-то с высоких радужных небес доносится до тебя колыбельная песня, не песня, а мечта воплощенная, и бередила она сердце твое, и волнует, заставляет учащенно биться, а потом нежно успокаивает...

И влюбился я в Татьяну.

И провели мы с нею несколько белых ночей среди цветущей черемухи, и ответила она мне полной взаимностью.

Так что на радостях срочно купил я оборудование для музыкальной студии, разместил его на третьем этаже своего коттеджа, пригласил Татьяну и сказал:

— Вот, дарю тебе! Чтобы ты записала здесь первый альбом своих песен.

И пока мы в обществе музыкантов, аранжировщиков и прочих деятелей искусства записывали диск, чувства наши окрепли, и решили мы пожениться.

С тех пор и живем, общие песни поем, новые альбомы в свет выпускаем.

Было дело, благотворительный концерт для сотрудников интерната глухонемых

мы дали, а потом для учеников и преподавателей школы, где я учился и где мама моя уборщицей работала.

Успех — не передать словами.

А когда родился у нас маленький Алик и встал на ноги, купил я всем членам нашей дружной семьи по барабану.

Ходим мы втроем по зеленому лугу около коттеджа, смеемся, прикалываемся, стучим в барабаны и горланим песню о веселом барабанщике...

А мама моя сидит в сторонке на кресле-качалке, на коленях барабан и барабанные палочки держит и потихонечку плачет, глядя на нас...

Старенькая она уже.

Галина Зеленкина
(г. Козинск)

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

Зеленкина Галина Николаевна родилась 11 июля 1947 года в городе Бресте, Республика Беларусь. С 1960 года проживает в Сибири. Окончила энергетический факультет Иркутского политехнического института в 1971 году. Специальность — инженер-электрик. Работала проектировщиком в Группе Рабочего Проектирования на строительстве Братской, Усть-Илимской и Богучанской ГЭС. С 1997 года занимается писательским трудом. Автор романов «Убийца неподсуден» и «Звездочет», а также нескольких книг стихотворений. Член Крымского клуба фантастов (г. Симферополь), член творческого клуба «Новый Енисейский литератор», член редакционного совета детского альманаха «Енисейка», член Союза писателей России. Печаталась в Украине, Чехии, Бурятии и России.

ДЕНЬ ОСЕННИЙ, СЕНТЯБРЬСКИЙ ПОВЕРЕННЫЙ

Зашумел за окном ветер северный,
Дождь на крыше чечетку отбил.
День осенний,
 сентябрьский поверенный,
Бабье лето вчера разлюбил.

Ну, куда ж оно, бедное, денется?
У него ж ни кола ни двора...
Кто-то скажет: — Какая безделица!
Ну, а кто-то вздохнет: — Знать пора!

Только мне почему-то не можетя,
Не приемлет душа ложь и зло.
Если жизнь
 с бабьим летом не сложится,
Не считайте, что мне повезло.

КРАСКАМИ ПРИРОДЫ

Нарисую зимний день белыми снегами,
Нарисую летний день радужным дождем,
Нарисую жизнь свою речкой с берегами,
На которых мы сидим и чего-то ждем.

Нарисую шар земной, круглый и огромный,
Пусть растут на нем цветы из волшебных снов.
Нарисую путь к звезде линией неровной,
Пусть живет на ней любовь песнею без слов.

Нарисую целый мир красками природы,
 Попрошу у ветра кисть, а холсты у звезд.
Есть для сердца благодать у любой погоды,
Надо только слышать жизнь и любить до слез.

КТО БЫ МОГ

Кто бы мог подумать,
Что в строке бегущей
Поутру проснусь я
Женщиной поющей.

Кто бы мог подумать,
Что из капель света
Может быть соната
Радужного лета.

Кто бы мог подумать,
Что слова шелками
Могут вышить память
В сердце узелками.

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Он над лугом зорькой алой
Там, где я в траве расту,
Незабудкой, ростом малой,
Незаметной за версту.

Он над речкой облаками
Там, где я на дне лежу
И, обросшая веками,
Сквозь прозрачность вод гляжу.

Он за мною бродит всюду,
Как навязчивая тень,
Я его бранить не буду —
Это мой вчерашний день.

ОСЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Уже на лужах тонкий лед,
Хрустит опавшая листва.
Из лета в осень переход
Стал не простым для естества.

Не прост и к старости маршрут
Сквозь юность, молодость и зрелость.

На склоне лет уже не ждут
Тех, с кем спуститься вниз хотелось.

ТАК ДАЛЕКО

Я от себя ушла так далеко,
Что невозможным возвращенье стало.
И тот, к кому безудержно влекло,
Судьбой уже низвергнут с пьедестала.

Но так устроен этот бранный мир,
Что живы мы, пока нас кто-то помнит.
Вчера ты был души моей кумир,
Сегодня — ее вера в Бога полнит.

НА ЧАСИК ВСЕГО

Ах, как хочется мне иногда
В свое детство захватить погреться,
В дом, где мама еще молода,
И отец не боится за сердце.

Ах, как хочется мне посмотреть
На любимых родителей лица
Не во сне, наяву, чтобы впредь
Можно к памяти лет прислониться.

Только «хочется» слово не то,
Что над временем властно,
но все же,
Я прошу, чтоб на часик всего
На полсотни лет стать бы моложе.

МГНОВЕНИЕ

Осенний день от непогоды выстыл,
Судьба, как снайпер, целится в висок.
И друг упал, опережая выстрел,
Неловко так упал, наискосок.

Щекой, прижавшись к полевой ромашке,
И с грустью вспоминая о былом,
Лежал он, молча, в клетчатой рубашке,
И ангел прикрывал его крылом.

Но, испугавшись ангельского рвенья,
Судьба, что не стреляет наугад,
Решила дать отсрочку на мгновенье,
Что нам дороже всяческих наград.

Мгновение не соткано из истин,
А соткано из наших вен и жил,

Поэтому и не лишился жизни
Мой друг,
 что с добрым ангелом дружил.

ТЕПЛИТ ГРУСТЬ МОЮ

Теплит грусть мою береза
В желтом платье у пруда,
Где в преддверие мороза
Рябью сморщена вода.

Пахнет затхлостью и тиной
Пруд нечищенный давно,
Лет минувших паутиной
Время падает на дно.

Словно в платье с кринолином
В копнах рожь среди полей,
И вбивает осень клином
В небо стаи журавлей.

Чтоб сшивали ровной строчкой
Птичьи стаи облака,
То тройным тире, то точкой
В небе пишется строка.

Теплит грусть мою рябина
Алой гроздью на крыльце,
Лет минувших паутина
Сохнет маской на лице.

Не смывается дождями
И колодезной водой
Карта жизни, что годами
Мне начертана судьбой.

ЗДРАВСТВУЙ, ОСЕНЬ!

За рекой в лесу и в роще
Ищут осень грибники,
Облака дожди полощут
В водах северной реки.

Золотится лист березы
На излете теплых дней,
По утрам на травах слезы
С каждым днем все холодней.

Осень красит лист осине,
Чуть дрожит ее рука,
И блестит на паутине
Панцирь сонного жука.

Сергей Лебедев

(г. Тольятти)

ДЕТСТВО НА ВЕТЛУГЕ

(Главы из повести «Мой отец — офицер»)

Лауреат Межрегионального поэтического конкурса, посвященного 190-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Стихотворения опубликованы в сборнике ГБУК г. Москвы «ЦУНБ им. Н. А. Некрасова» — «Венок Некрасову». Член редколлегии журнала «Приокские зори», лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова за 2012 год.

Читателям журнала «Приокские зори» предлагаются главы из публицистической повести «Мой отец — офицер», рассказывающие о детских и юношеских годах моего отца Лебедева Александра Николаевича, ветерана Советской Армии, которые прошли в далекой ветлужской стороне.

Написав повесть в 2009 году, я как будто прошел жизненным путем отца от деревенского паренька с шестиклассным образованием до подполковника, командира военно-строительного отряда. Заслуги военных строителей, в рядах которых служил мой отец, трудно переоценить. В составе различных военно-строительных отрядов офицер Лебедев А. Н. принимал участие в возведении важнейших военных объектов СССР с 1948 по 1967 год, начав службу в рядах Красной Армии наводчиком орудия в 1939 году.

Мой отец не совершил героического подвига. Не участвовал в военных сражениях Отечественной Войны. Он просто жил в двадцатом веке и прошел свой путь офицера и гражданина.

Глава 1. Медведь

Звездные ночи августа стали прохладнее, но все еще звенят, как и в июле, цикадными трелями. Чуть-чуть светает. Серое утреннее покрывало сменяет черный ночной бархат ночи и накрывает огород, дом, улицу. На огуречных грядках заблестела роса. Бревенчатая пятистенная изба, баня, стоящая за огородом, темнеют сквозь туман. За окнами становилось, меж тем, все светлее. Вдали осветились верхушки соснового леса, робкие лучи рассвета побежали по деревенской улице, поблескивая на закрытых окнах изб. Деревня еще спала. Но вот прокричал первый петух. Спросонья в чьем-то дворе тьякнула собака. Застучало ботало одинокой коровы. Деревня просыпалась.

Сквозь сон Саня услышал перестук пастушьего барабана, но встать не хотелось, и он еще крепче прижался к теплому боку брата. Вот стук усилился — это пастух гонит мимо окон избы дремлющее стадо. Громко прозвучала первая деревенская музыка и стала медленно удаляться. Увеличивающееся деревенское стадо мычало, бляло и уходило в сторону заливных лугов и пойменного леса Ветлуги. Оно растворялось в тумане и поднимало легкую золотистую пыль.

— Сыно-ок, вставай, хватит нежиться, да и Рыжуха-то мычит во все горло,— мать тормошила его крепкой рукой.

Ночь еще не прошла, но уже уверенно превращалась в серое туманное утро. Открыв ворота коровника, пристроенного к избе, Саня еле успел отскочить. Резвая корова сама побежала в сторону уходящего стада, ее и подгонять не пришлось. Саня не стал провожать корову, хотя стадо уже скрывалось за первыми елями недалекого леса. Знал бы он, что в то утро видит свою Рыжуху в последний раз.

Саня взял пустые ведра, стоявшие на крыльце и пошел к колодцу, который находился во дворе, недалеко от центральной деревенской улицы. Взялся за шест и опустил «журавля» с ведром почти на всю его длину. Дважды зачерпнув воды, налил полные ведра. По одному отнес их в избу.

Мать, высокая, широкая в кости женщина, стояла напротив устья печи и ставила хлеба на выпечку. Из жерла русской печи шел жар и хлебный дух, и она раскрасневшаяся, вспрелая и довольная своей работой, улыбнулась ему, и опять закопошилась у шестка. Печь стояла направо от входа и занимала с кухней почти треть избы. В противоположной стороне, вдоль двух бревенчатых стен, сходясь к переднему углу, шли высокие деревянные лавки. Передний угол был занят большой иконой Николая Святителю. Правая рука Николая Угодника была приподнята со сложенными перстами в благословении, левой рукой он держал Евангелие.

Саня, поставив ведро, сглотнул слюну от вкусного хлебного запаха и посмотрел на мать.

— Сейчас придет отец и будем завтракать,— сказала она, даже не оборачиваясь, поняв его желание.

Старший брат Иван с фырканьем умывался возле двери из носика большого медного рукомойника. Мишук, самый младший из детей, которому не было еще и двух лет, завопил в зыбке. Она висела на оцепе, подвешенном к потолку. Пятилетняя Валюшка завеньгала на печке. Мишутка, услышав ее, тоже захныкал, и мать подошла его успокоить.

В сенях что-то стукнуло, и в избу вошел отец. Высокий, он, нагибаясь, втиснулся в дверь. С порога оглядев ребятишек, негромко сказал:

— Ну, мать, давай на стол, да пойду еще немного поработаю кирпичей, замеса два — три осталось и яма будет полной,— и сев за стол, он положил перед собой на некрашенные доски стола большие натруженные руки, на которых буграми вен были обозначены годы тяжелого крестьянского труда.

Почти вся семья Лебедевых уселась за деревянный, сколоченный когда-то дедом Сергеем, стол. Отец ласково посмотрел на детей, притихших за столом. По правую сторону от него на всю семью Лебедевых с иконы благословенно смотрел Николай Святитель.

Жаль, что нет старшего — Павла, а то бы вся семья была в сборе» — подумал Николай, сидя во главе стола.

Старшему сыну Павлу минуло двадцать лет. Чтобы помочь семье, да и о женитьбе задумываясь, он ранней весной ушел на смоляные промыслы. В соковое время много разного вырабатывали в лесах: снимали мочало, лыко и бересту, гнали березовый деготь. Вестей от Павла не было все лето.

Николай пришел домой, оставив неоконченной начатую засветло сегодняшнюю работу. Под горой, недалеко от леса, было у него что-то вроде кирпичного промысла. Это — вырытая в глине-кирпичевке большая яма, которую он заполнял высушенным на солнце сырцом — сырыми кирпичами, перекладывая ряды кирпичей сухими березовыми поленьями. Рядом была сделана другая яма, где он месил ногами глину до мягкости. Тут же около ручья, стоял небольшой бревенчатый сарай, спасавший Ни-

колая от дождя. В нем деревянные клетки — станок для набивки глины, да струганная дощечка для выравнивания. Вот и весь «кирпичный завод». Но за лето Николай на этом заводике в одиночку вырабатывал до десяти тысяч штук красного, добротного, звенящего от удара кирпича.

Кирпич всегда пользовался спросом в большом селе Варнавино, все дома, в котором непременно ставились на высокие кирпичные фундаменты. Да и так, в Варнавино было кое-что понастроено из кирпича, правда, еще в царское время — трактир, аптека, почта, тюрьма, женская и мужская гимназии.

Мать поставила на стол похлебку — щи из зеленой капусты с солониной. Отец, взглянув на мать, сказал:

— Давать, Дарья, свежего хлеба. А то сегодня не обедавши, может, придется. Работы много. Саню возьмишь с собой на жатву, пускай там за маленькими смотрит, не оставлять же их одних дома. А мы с Ванюхой домесим глину и наделаем остатного кирпича, чтобы уж через неделю запалил я обжиг. Уж тогда я Саню на кирпич возьму, за огнем следить дело не хитрое, может, и одного пора оставлять. Как-никак десять лет стукнет через два месяца.

Дарья положила на стол каравай ржаного хлеба, отец ножом отрезал каждому по большому ломтю, дал детям и жене прямо в руки. Потом молча, перекрестился и начал хлебать. Все дети и Дарья вслед за ним застучали деревянными ложками. Наконец отец стукнул о край миски своей ложкой, первым потянул кусок мяса, а за ним и остальные.

Семья Лебедевых была средней руки в деревне Югары, относилась к так называемым середнякам; корова, лошадь. Животинка кой-какая: свинья, овцы, куры. Кроме того, кустарный промысел кирпича давал неплохой доход. Кроме того, и Ветлуга всегда была кормилицей для югаровских мужиков, еще ни один с реки без рыбы не возвращался. Да и лес подступает к самой деревне. А в нем грибные, ягодные места. Земляничные поляны, заросли малинника, черники — только собирай. Ближе к осени, если переправиться на лодке через реку, можно в один присест набрать лукошко клюквы или брусники. В общем, семья не бедствовала, но и богатства особого не нажила. Хлеб в доме есть, дети сыты, и то хорошо.

Поев, отец перекрестился и взял в руки газету. Это была «Северная Правда» месячной давности. Орган Костромского Губкома ВКП (б). И хотя вот уже семь лет прошло, как в 1922 году Варнавинский район перешел в Нижегородский край, но газеты из Костромы иногда попадали в село Горки, а уж оттуда рассылались по близлежащим деревням сельсовета: в Югары, в Корелиху, в Поляки, в Коровиху.

— Послушай мать, что пишут костромские-то: «Несколько дней назад, накануне Троицы, в селе Саметь поп устроил подворный обход села. Не с молебном, не со сбором «праздничных», а с агитацией. Поп говорил: «Граждане, вы идете в колхоз, значит, расстаетесь с родимой землицей, которую ваши деды и отцы поливали трудовым потом. Вы граждане, принимаете на себя печать антихристову. Ну, делать нечего, идите. Только покайтесь и причаститесь в последний раз».

Николай замолчал и задумался о чем-то своем. Наконец, заговорил.

— Намедни уполномоченный был у Михаила Соловьева, агитировал его за колхоз, грозил отобрать обеих коровенок, да лошадей, ежели не надумают. Хлебные излишки, говорит, изымать будем. Последний пуд хлеба — это они считают излишком у нежелающих вступать в колхоз. Скоро, пожалуй, и к нам наведается эта «кожаная куртка». Добра, наверно, не ждать нам от ихнего колхоза.

— А что мужики бают по Югарам-то? — спросила Дарья. И тут же продолжила, как будто вспомнив что-то: — Шалухин-то Василий с семьей из Бархатихи выселен. В соседях у отца-то он был. Справный мужик. Пригласил весной на помощь мужиков,

так ему сразу мироедство навесили, в кулаки, да и поминай как звали. Ночью под конвоем отправили в Варнавинскую тюрьму. Семья со скарбом направилась до станции Ветлужская. Погрузили в вагоны, да в Сибирь. Страхи-то какие.

— Да, у всех югоровских голова набекрень, настроение выжидательное. Но видно, хошь не хошь, а заставят нашего брата колхоз организовывать. В Варнавине бают уже кое-кого и арестовали. А сам уполномоченный рассказал на вчерашнем сходе, что в Вотской области в каких-то деревнях по постановлению крестьянского схода публично выпороты «вичками» 176 крестьян-бедняков. В Кологривском уезде Костромской губернии почти год назад убили через окно председателя колхоза, так нашли убийцев-то, да к расстрелу приговорили. Вот так, мать, война идет с народом за вступление в колхозы. Уполномоченный договорился до того, что крестьян назвал паразитами, грабщиками землю. Пролетарий — это, вишь ли, человек труда, а мы хотим уморить город и пролетария голодом. Вот как вопрос поставлен, если в колхоз не вступать.

— Батя, а где это Вотская область такая? — спросил Николая Иван, сидевший за столом и вырезавший из куска дерева иглу для вязки рыболовных сетей.

— Так на севере, где удмурты живут. Их раньше вотяками называли. Ижевск у них главный город, — ответил Николай.

— А еще я слыхала от наших-то баб, Анна Соловьева говорила, у нее Ванюшка-то приезжал на побывку из Нижнего, что в городах-то церкви рушат, да колокола снимают. Консомольцы какие-то на престольные праздники около церквей под гармошку, да балалайку поют и пляшут, — опять с тревогой сказала Дарья.

— Да, и в газете-то пишут, что костромской горсовет постановил закрыть лазоревское кладбище. А церковь решили использовать под холодильник. Доберутся и до наших Горок, церковь-то Святителя Николая Угодника уж точно могут сломать, а кирпич-то на ее постройку еще мой отец делал.

Дети со вниманием слушали разговоры родителей. Притихли за столом. Совсем недавно приходил священник к Соловьевым, что жили через улицу, напротив. Приглашали его Соловьевы, как зажиточные хозяева, на престольный праздник деревни Югары. Второго августа был Ильин день, и в этот день в поле никто не работал. Считалось, что Илья Пророк сожжет работающих крестьян своими молниями. Священник принес из церкви в деревню праздничную икону, с нею и отслужил молебен. После которого все разошлись по домам, угощались пивом и брагой. Гуляли. Все югоровские дети бегали смотреть на попа. Было им это интересно. Ведь не каждый день приходил он из Горок, где стояла белая каменная церковь.

Саня помнил, что видел он в просторном, светлом и высоком храме. Там было пышное убранство, серебряные и позолоченные кресты, чаши, подсвечники, живописные иконы в богатом исполнении. Узорчатые светильники, подсвечники с зажженными свечами освещали иконы. И заполнялась церковь запахом воска и ладана. Мать часто брала его по воскресеньям на службу. И вся эта атмосфера — с пением хора на клиросах создавала в его душе торжественность. А душевный настрой молящейся матери звал к любви, доброте, наполняя детскую душу чувствами, пока еще не понятными, но приятными.

Вспоминалось и первое причастие. Когда ему было лет пять, мать впервые взяла его с собой в церковь. Уже совсем устав от стояния, прислушиваясь к непонятным словам священника, Саня начал дергать мать за подол и звать домой. Но она погладила его по голове и сказала, что сейчас начнется причастие и потом уже они отправятся в обратную дорогу.

Всех детей собрали перед Святой Чашей, и они по очереди стали подходить к священнику. Как научила Саню мать, он громко назвал свое имя, священник протя-

нул к его устам ложечку, и в открытый рот Сани попало что-то приятное, сладковатое на вкус. После этого ему дали другое питье, теперь уже теплое, которое он заел кусочком просфоры.

Когда мать вышла из церкви после своей очереди причастия, Саня, схватив ее за руку, сказал, что он еще хочет попробовать сладкого причастия. Дарья легонько подтолкнула сына рукой в затылок и сказала, что в один день можно причащаться только один раз. Больше нельзя.

* * *

Лебедева Дарья родом была из Бархатихи, деревни, находившейся на левом берегу Ветлуги. Поэтому ее очень волновали все новости про родную деревню. Помнил Саша и рассказ матери о бывальщине, который однажды услышал от нее прошедшей зимой. Из него он узнал, откуда пошла и получила название родная деревня Дарьи — Бархатиха.

В один из зимних вечеров, прислушиваясь к вою метели за окном и укладывая детей спать на печи, начала Дарья рассказ о бывальщине. Дарья помнила его еще с детства со слов своей бабушки*.

«О тех временах, когда в наших лесах водились разбойники, даже старики знают только по рассказам своих родителей. Вот как давно это было. Давным-давно недалеко от Ветлуги, на горе, покрытой соснами, появились разбойники. Атамана звали — Ляля. С той поры и гора названа Лялиной. Издалека видна Лялина гора, такая она высокая. Разбойники грабили купцов, которые плыли по Ветлуге мимо горы, а бедных не трогали.

Был у атамана помощник Бархотка, большой силы и красоты. А недалеко от горы, среди дремучего леса, стоял починок. Жила в нем девушка Шалуха, прозванная так за озорство. Девка красивая, смелая: одна с рогатиной на медведя ходила.

Когда Бархотка в первый раз увидел Шалуху в лесу, заиграла кровь в жилах молодого разбойника. Понравилась ему девка. Он подошел к ней и захотел, было, обнять. Она же такую ему затрещину отвесила, что он чуть с ног не свалился. Осерчал Бархотка, обидно, вишь, ему стало, что баба оплеуху дала. Взялся он за нож. А у Шалухи в руках рогатина, смеется она:

— Полезешь, брюхо распорю.

Понял Бархотка, что девка не из робких, и полюбил ее. Она его тоже полюбила. Бархотка стал похаживать к Шалухе. Ляле это не понравилось, завидовать стал. Невзлюбил атаман своего помощника и всякую неудачу в разбойных делах валил на него. Разбойники, видя такую ссору между ними, разделились, одни за Лялю, другие за Бархотку. Понял атаман, что дело плохо, собрал ватагу: «Раньше мы с Бархоткой дружно жили, не ссорились. А как появилась проклятая баба, так и пошло все кувырком. Я хочу помириться. На Шалуху кинем жребий, кому достанется, тот и хозяин». Разбойники молча ждут ответа помощника. Бархотка взглянул на них, да и говорит:

— Не гоже браниться из-за бабы. Мы поссорились, нам и мириться. Не придем к согласию, тогда и вас соберем. И уж, как вы решите, так и будет.

Разбойники разошлись, а атаман и помощник остались одни.

— Знаешь ли ты, что у князя Лапшангского жена красавица? — спросил Бархотка Лялю.

— Слышал, но видеть не приходилось.

— А если я привезу тебе княгиню-красавицу?

* Изложение рассказа И. С. Воронова «Ляленка», опубликованного в Варнавинской районной газете «Новый путь» 20, 29 мая 1967 года.

— Если ты это сделаешь, Шалуха твоя. Но у князя большая охрана.

— Ну, это моя забота. Ты-то удержишь слово свое?

— Коли так, то я согласен.

Бархотка с друзьями нарядились в богатые одежды, сели в лодки и поплыли к селу Лапшанга, где жил князь. Тайно пробрались в усадьбу ночью. Княжескую охрану связали. Бархотка вошел в спальню княгини. Жарко натоплено в спальне. Одеядо свалилось с кровати на пол. Княгиня лежала посередине кровати. Проснулась и глядит на него красавица, и так им залюбовалась, даже забыла об опасности. Залюбовался и Бархотка, глаз не сводит с княгини. Закружилась голова у Бархотки от ее красоты. В глазах туман, как облако. И показалось Бархотке, будто из облака на него недовольно смотрит Шалуха. Тряхнул он головой, и тумана как не бывало. Вынул нож из-за пояса и говорит.

— Одевайся быстро и не пикни, а то вот, — показал нож.

Княгиня оделась. Бархотка завязал ей рот, глаза, схватил за руку, и давай Бог ноги.

Доплыли до горы, сошли на берег. Бархотка снял повязку с глаз княгини. Она смотрит на него.

— Что же ты будешь делать со мной, молодец?

— Отдам атаману в жены...

— Добрый молодец, если уж у меня такая судьба, — взмолилась княгиня, — так возьми меня себе. Я согласна быть твоей женой.

Задумался Бархотка. Любуется красавицей, ее слова в душу заплзали, растревожили его сердце. «Что же делать? — думает он. — Такая полюбит крепко, но я дал слово атаману». И показалось ему, что будто вместо княгини стоит Шалуха и опять недовольно глядит. Решил он быть твердым в своем слове.

Пришел Бархотка на поляну. Ляля стоит высокий, страшный, с одним глазом. Бархотка подошел к нему.

— Я слово свое выполнил. Вот тебе княгиня.

Ляля подошел к ней и хотел взять за руку, она как закричит: «Уйди, чудище! Лучше убей меня!», — и упала. Стали ее отхаживать, облили лицо холодной водой. Открыла она глаза, увидела Лялю и опять закричала: «Уйди, чудовище!». Ляля осерчал.

— Снимите с нее сапожки и водите босиком по лесу, покуда она не перестанет дурить.

Водили княгиню по лесу день, другой, третий, а она все свое твердит.

Разозлился разбойный атаман Ляля, отвел ее на самую вершину горы и убил ножом булатным. Схоронили красавицу под самой большой елью. Зимой вьюга ее баюкает, волки подпевают; весной кукушка над ней грустит.

А Ляля этой же ночью ушел с разбойниками в другое место. Говорят, много кладов зарыл на горе, да утопил на дне Ветлуги.

Бархотка остался жить в починке с Шалухой. Они поженились, и жили долго, любя друг друга. Много детей у них было. От Шалухи пошел большой род Шалухиных. Починок с той поры прозывается деревней Бархатихой».

Уставший за день от зимних игр Саша тихо посапывал на печи. Рядом Валюшка спала в обнимку с кошкой, поющей свои рулады. Мать, ласково улыгнувшись, поправила на них одеядо.

* * *

К вечеру деревенское стадо под тот же стук пастушьего барабана возвращалось в деревню. Но напрасно стояла Дарья у ворот, поджидая Рыжуху. Стадо, пыля и мыча, прошло мимо ворот, но корова домой не вернулась. Дарья смотрела вдаль и все гада-

ла, когда же придет? А она так и не вернулась домой. Уже скоро ночь — полночь, а коровы все нет. Стало у Дарьи на сердце неспокойно.

— Саня, беги за отцом, скажи, что нет Рыжухи-то, пусть с Иваном по ельнику поищут. А то ночь скоро, где ее в темноте увидишь?

Сашка хоть и устал за день от жары на жатве, но быстро скатился с деревенского бугра, пробежал лесной тропкой через редкий сосновый лес, между одинокими осинами, через приземистые кусты можжевельника и очутился на поляне, где отец с Иваном складывали высохшие кирпичи в огромную яму. Запыхавшегося, его не сразу поняли, а он все твердил, что нет Рыжухи. Не пришла со стадом.

— Ну, будя молоть, Емеля, не твоя неделя,— остановил его Николай,— Говори, что стряслось?

— Стадо пришло, а Рыжухи нет,— наконец выпалил Саня, сдерживая частое дыхание. Подумав, отец сказал:

— Баяли мне мужики, что третьего дня видели медвежьи метки в ельнике. Хотя рано медведю к зиме готовиться, да кто его знает, может и его это дело. Ну, даст Бог, обойдется. Ты беги домой, а мы с Иваном пройдем ельником к болоту.

Сашка стремглав бросился бежать в деревню. Мать ждала сына на крыльце, с тревогой поглядывая в сторону леса. Он выпалил ей, что тятя с Иваном пошли в ельник, а ему велели бежать домой. Потянулось долгое, томительное время ожидания. Дарья возилась у печи, но нет-нет да прислушивалась, и посматривала в окно на дорогу. Смеркалось быстро. Заплакал маленький Мишук, мать его успокоила и уложила спать в зыбку. За окнами совсем стемнело.

Дверь избы широко распахнулась. Отец вошел в избу стремительно, уверенно, но с тревогой в глазах. Не спеша напился колодезной воды из деревянного ковша, вытер губы.

— Ну, что, мать, горе, как лихо, пришло тихо,— с этих слов начал Николай,— задрал медведь нашу кормилицу-то.

От страшной новости подкосились у Дарьи ноги, села она на лавку и смотрит непонимающим взглядом на мужа. Шевельнулась в голове нечаянная надежда, что шутит он.

— Но не будем горевать, станем мишку убивать,— глядя на нее, сказал Николай.

— Хватит прибаутки свои дурацкие, не можешь толком рассказать, что случилось-то? — рассердившись, перебила его Дарья.

— А что случилось? Наш-то пострел проспал утром стадо, оно и ушло уже далеко, когда Рыжуха из дома за ним отправилась. А он, медведь-то, видно в кустах у дороги дожидался отбившегося теленка. А тут не теленок, а целая корова. Она и ахнуть не успела, потому пастух-то и не слышал ничего. Нашли мы ее с Иваном в березняке около болота. Голову-то медведь ей отгрыз, да утащил куда-то. А тушу-то закрыл, чем попало ветками, кореньями разными. Спрятал вроде бы. Ничего вернется еще хозяин, не забудет свои припасы. Завтра пойдем в лес, ждать его будем. Не может быть, чтобы не вернулся.

— Так что, мне теперь медведя доить вместо коровы-то? Чем малых кормить стану? — запричитала Дарья.

— Ты, мать, не расстраивайся сильно-то. Не пропадем. Через недельки три кирпичи готовы будут. Приедет покупатель, деньжонки появятся. Глядишь, за новой коровой в Варнавин на ярмарку смотаемся.

Притихшие дети слушали страшный рассказ отца. А Саня вдруг представил, как медведь навалился и загрыз Рыжуху. Показалось, что слышит он мычание Рыжухи и страшный медвежий рык. И, уткнувшись в подушку, заплакал навзрыд.

Целую неделю отец с Иваном поочередно караулили медведя на болоте. И когда совсем уже отчаялись, появился зверь ранним утром со стороны болотины. Было ти-

хо, лишь лесной шорох вокруг. В этом шорохе через некоторое время и различил Иван в неопределенных шумах более отчетливые звуки. Кто-то грузно пробирался сквозь чащу. Это медведь, ломая кусты, направлялся к припасенной добыче. Иван не промахнулся. Для него это была первая внушительная добыча после зайцев и куропа-ток с тетеревами.

Потом за свою жизнь Иван немало подстрелит в ветлужских лесах волков, будут и медведи, но тот первый остался в памяти на всю жизнь. А сам Иван, охотившийся всю жизнь в ветлужских лесах, старался не нарушать законов леса. Убивать, чтобы есть, — таков царящий в лесу главный и, пожалуй, единственный закон.

Глава 2. Пора сенокосная

Школа, в которой учился Саня, находилась в селе Горки. Располагалась она в старом помещичьем доме, к крыльцу которого вела прямая дубовая аллея, посаженная еще крепостными помещика Базилевского. Четыре километра от Югаров в дождь, в стужу, в ясную погоду бегал он учиться по деревенской дороге. Через соседнюю деревню Поляки вела она в село Горки. Учился Саня с охотой, поэтому и числился в ударниках, интересно было деревенскому мальчишке познавать мир, который далеко уводил его от околицы родной деревни.

В школу с утра собирались ребята из окрестных деревень. Из Жилихи, из Югаров, из Карелихи, из Поляков, из Коровихи, из Антоники...

Горки — старинное селение, выросшее на важной дороге между Варнавинским и Макарьевским (Унженским) монастырями. Еще в 1617 году починок «Горка» упоминался в записях Дозорной книги. Правда, имелись тогда в Горках только два крестьянских двора. Ну а название соответствует рельефу местности, где находится село. Действительно, на горке. Дорога, соединяющая два монастыря, в восемнадцатом веке стала государственным почтовым трактом между уездными городами: Варнавином, Ветлугой и Макарием на Унже. В Горках появилась почтовая станция, был построен храм Николая Святителю, и село стало центром Шудской волости.

После октябрьской революции, в 1917 году, усадьбу помещика Базилевского забрали под школу. Но в то беспокойное время в школе постоянно менялись учителя. Они бежали от тяжестей всеобщего, от несвоевременно получаемых пайка и зарплаты.

В этом старинном селе и проходили школьные годы Саши Лебедева.

В 1931 году Саша закончил четвертый класс. А в 1932 году в районах Заволжья вводится обязательное начальное обучение. Он, как подросток 13-ти лет, продолжает учиться, но теперь уже на двухгодичных ускоренных курсах, которые и закончил в 1933 году. Всего шесть лет проучился Саша в школе. Но запомнились они на всю жизнь деревенскому мальчишке разными событиями.

Ранее зимнее утро. Раскрасневшийся Саша прибежал в школу, сбил снег с валеков и длинным коридором прошел в свой класс, в котором стоят парты в два ряда, печь-голландка в углу. На учительском столе керосиновая лампа — это все освещение класса. На задних партах темно, тепло и тихо. После домашних дел, зимних вечерних катаний на санках ребята тихонько посапывают под монотонный голос Николая Ивановича. Сегодня первым идет урок истории Костромской области.

— Костромская земля имеет богатую и насыщенную событиями древнюю историю, — ведет свой рассказ учитель. — До 15-го века на ее территории располагались два княжества — Костромское и Галичское. В 1797 году Павел I своим указом создал Костромскую губернию, просуществовавшую в неизменных границах до 1917 года.

Голос Николая Ивановича спокоен и оказывает почему-то убаюкивающее действие. Глаза закрываются, сквозь туман веку видятся далекие костромские князья, когда-

то населявшие лесные просторы этих земель. Слышится звон булатных мечей, удары палиц о доспехи. Идет междоусобная борьба за владение богатыми Костромскими угодьями.

Неожиданно громкий стук упавшего тела, оборвавшийся рассказ учителя и смех ребят возвращают Саню из 17-го века в класс. Николай Иванович проходит от стола в темный угол за печь. Пашка Воронов лежит на полу, положив голову на руку. Он упал со скамьи парты, даже не проснувшись. Ни смех ребят, ни торможение учителя не могут разбудить его. Урок продолжается под сладкое посапывание из-за печки.

После уроков по колкому морозу веселой гурьбой разбежались ребята по деревням. Долго смеялись югаровские над Пашкиным беспробудным сном на уроке истории.

В те годы возить в школу детей было не принято. Перебежками, по сухой дороге, туда час и оттуда так же. Ну, а зимой да в распутицу — полтора. Ни одного дня Саша в школе не пропустил, ни на один урок не опоздал. Еда тоже известно какая — кусочек хлеба с кусочком сальца мать сыну заворачивала в тряпичку. А то и «простого» отправляла.

В сентябре 1932 года начал он учебу в шестом классе, как потом оказалось, выпускном, по велению отца.

Осень в тот год выдалась погожая, с теплыми днями. От летних каникул еще не успели отвыкнуть. И в один из таких теплых дней они с Пашкой Вороновым сразу домой не пошли, а из Поляков спустились с угора в ельник. Хорошо в эту пору в лесу. Тенькают синицы, где-то занятый своим делом стучит дятел. Еще не выветрился грибной дух. Ягод, правда, нет и поживиться совсем нечем. Не привыкать крестьянским детям к тому, что в животе пусто. Да и лес-то не только грибами и ягодами радует, много в нем необычного и интересного для пытливых, деревенских мальчишек. Дорога вдоль угора вьется между сосен и елей.

Видят они, что вдруг что-то мелькнуло на одной из сосен.

— Санька, белка! — закричал Пашка и бросился вперед к высокой сосне. Саня за ним. Когда они подбежали к дереву, белка сидела почти на самой верхушке. Только ее пушистый хвост свисал с ветки.

— Не достанем, наверно, смотри какая сосна высокая, — с грустью заметил Санька.

— А куда ей прыгать, далеко ведь до следующего дерева? — философски заметил Пашка.

— Давай палками по дереву стучать, она шугнется и прыгнет, тут мы ее и поймаем.

— Не-е, она прыткая, убежит, лес-то совсем близко. Лучше за ней на дерево слазить.

— Да ты что-о, гляди сосна-то какая, как корабль высокая.

— Ну, не хошь, я сам полезу, только белка моя будет, а тебе даже погладить не дам, — с ребяческим вызовом сказал Пашка. Но Санька сразу обиделся, скинул котомку со школьными принадлежностями, поправил завязки на лаптях и подошел к сосне. Взглянул вверх, и ему показалось, что как будто на небе сидела белка, высота сосны была необычайная. Ухватился за толстый нижний сук и полез. Тут необходимо отметить, что только у корабельных сосен ветки растут высоко, и забраться на них не представляется никакой возможности. А эта сосна росла у дороги и на самом деле была не так высока, как показалось ребятам. И скорее походила на те, которые изображал на своих полотнах Иван Шишкин.

Вот Саня уже на середине сосны, но вниз глянуть боится. Он чувствует, что земля совсем не близко.

— Давай, Саня, еще немного осталось, она сидит и даже не шевелится, — кричит около дерева Пашка.

«Хорошо тебе, разорался»,— думает про себя Саня и лезет снова вверх. Поднял голову, и ему показалось, что хвост белки совсем близко, еще чуть-чуть и он ее достанет. И в этот момент белка прыгает на самый краешек ветки, качается на нем, того и гляди сорвется вниз. Но она слетает на ветку ниже Сани, по стволу проворно сбегает вниз и стремительно по земле несется к лесу, только ее и видели. Пашка даже не успел сдвинуться с места и стоит как околдованный. Такого стремительного поворота событий ребята не ожидали.

— Ну, ты что не ловил ее, безрукий тетерев? — чуть не плача кричит с дерева Санька.

— Да больно юркая оказалась, я даже и не успел с места ворохнуть. Ладно, слезай, Санька, пойдем домой скорее, а то что-то темнеет и тучи наползают.

Но оказалось, что слезть с дерева не так-то просто. Даже совсем невозможно, и захолонуло сердце в первый миг у Саньки, когда он попытался опустить ногу на нижнюю ветку. Ветка исчезла почему-то из-под ноги, нет ее там, как он ожидал. Это на руках подтягиваться было удобно, а опускаться и висеть между ветками очень даже страшно.

— Пашка, я не могу слезть. Ветки раздвинулись.

— Ты чего плетешь там, как это они раздвинулись? Дерево что ли выросло, пока ты залазил. Давай быстрее, а то по темноте пойдем.

Санька снова попытался опустить ногу, но она в который раз не ошупала опору. К горлу подкатил комок, и в душе похолодело.

— Не могу, Пашка. Страшно мне! — закричал он с дерева.

— Ты подожди, Саня, я в деревню сбегая к дяде Николаю. Он-то уж что-нибудь придумает. Ты только ничего не делай, а то еще свалишься с дерева. Подожди! — прокричал Пашка и опрометью кинулся по дороге в Югары.

Как он сидел и ждал, какие мысли ворочались в мальчишеской голове, как пришел отец, залез на сосну и помог ему спуститься, это потом долго вспоминалось Саньке. Как и все детство, которое закончилось за порогом школы, с которой Саша распрощался в 1933 году.

* * *

— Ну, что, Сано, хватит тебе учиться, шесть лет штаны просиживал в своей школе. Премудростей крестьянской жизни не наберешься, сидя за партой. Да пора и нам с матерью помогать,— этими словами встретил отец сына в солнечный майский день, вернувшегося из школы.

Так, Саша, радостный оттого, что учеба в нынешнем году закончилась, узнал, что его учение в школе завершилось совсем.

— Осенью пойдешь на курсы агротехников, председатель обещал. И в колхоз я тебя уже записал. В свои-то четырнадцать годков я уже за сохой ходил. Да и сам видишь — Ванюху в Красную Армию проводили, от Павлухи так ничего и дождались, ни весточки, ни слухов никаких. Остался ты самый старший у нас с матерью. Мишку осенью в школу отдавать. Хватит нам с матерью двух школьников: — Валюхи да Мишки.

Школьная жизнь закончилась, и завтра он проснется колхозником «Красной звезды». Такое название получил колхоз, в который «добровольно» объединились крестьяне деревень Югары, Поляки, Коровиха и других. Правление колхоза находилось в селе Горки.

Утром на покос. На первый колхозный покос. Помогал раньше отцу собирать сено, стоговать его в заливных лугах, но на настоящую мужицкую работу собирался Саня в первый раз.

Лес подступает к самим Югарам. И в каком-то километре от деревни начинаются покосные луга. Среди леса на солнечных полянах рядом с озерами, на опушках, на приречных луговинах издавна косят травы ветлугаи. И Саше известны почти все ветлужские берега в окрестностях деревни Югары. Еще мальцом начал он бегать на ветлужский берег. Купался в ветлужской волне и валялся на речном песке. Купание в Ветлуге для югаровских мальчишек всегда было любимым занятием, а ветлужский песок отдавал им свое тепло и силу.

Крестьянские дети знали все ягодные места, которые начинались сразу, как только выйдешь за порог избы. Выбирай любое — земляничная поляна или малинник, а то и черничные заросли, — только собирай. Ближе к осени, если пройти на болото, можно в один присест набрать лукошко клюквы или брусники.

А какая рыбалка на Ветлуге! Без рыбы никто с реки не возвращался. Лещ и щука, язь, линь и карась — не переводились на деревенских столах.

А разнообразие грибов не уступает разнообразию ягод. В соседнем с деревней лесочке можно насобирать подберезовиков, маслят, подосиновиков. А подальше, на гривах, растут белые грибы, которые особенно вкусны и ароматны. Грузди и рыжики, соленые в бочках, всю зиму не переводились и были чуть ли не основным блюдом на югаровском столе.

Еще петухи не успели прокричать на деревенских дворах, а отец уже будил Сано, теребя его за плечо.

— Вставай, колхозник, а то проспишь морковкино заговенье. На работу пора, Сано.

Ах, как не хочется вставать, кажется, еще чуть-чуть можно полежать. Но крепкая и жесткая рука отца поднимает его за плечи, подталкивает в спину и вот он уже на ногах. Наскоро съев по куску хлеба и выпив по кружке молока, они с отцом идут на улицу, прихватив в сених косы. По деревенской улице по двое, по трое в тумане колыхаются в сторону леса мужики. Над ними вьется запах махорки, слышны приглушенные голоса и звеньканье задевающих друг о друга при поворотах кос. Народ спешит на сенокос, на косьбу. В травы на луга. А работа эта тяжелая. Потому что скосить каждому надо не менее тридцати соток, не по одному гектару в день на деревню. И норма при косьбе на одного крестьянина немаленькая: полтора трудодня за полгектара скошенной площади.

А работа на покосе, как известно, — работа на зимние мясо и молоко. «Покос год кормит», — говорит народная мудрость. Косили все мужики деревни, бабы и подростки копны ставили, гребли сено. Кто мечет, кто подгребают. Только успевай, лови каждый погожий день и час летний, июльский.

Покос начинается со звона о наковаленку. Косу отбивали как следует, оттягивали лезвие, чтобы потом наточить его до бритвенной тонкости. И начинался сенокос.

Саня шел босиком следом за косой, ноги колело стерней, трава валилась из-под косы, рука грубела в мозолях. Солнце жжет спину, пот течет по спине, по груди, усталость тяжестью наваливается на плечи. Вот уже коса перестает слушаться рук, и носком зачерпывает комочки земли.

— Шабаш! — слышится голос бригадира, и замолкает звон кос о траву, поднимается над кустами махорочный дым и слышны кое-где только отдельные слова.

— Принеси воды, Сано, — просит отец, раскуривая сигарку. Саша бежит к роднику около озера, зачерпывает в берестяную чашку воды, и подносит отцу. Тот пьет большими глотками, его кадык ходит жадно, и кажется, что вода — это животворная сила, от которой пройдет и усталость, и навалившаяся дневная жара. Напившись, отец отдает ему берестяной ковшик и ложится в тень на траву.

Саша, когда бегал за водой, спугнул выводок рябчиков, который выпорхнул почти из-под ног. Глупые птицы взлетели и уселись на березе прямо над тропой. И хоть

томила усталость, но мальчишеский интерес оказался сильнее и он снова побежал по тропке к роднику. По пути он увидел появившиеся первые подберезовики...

Занявшись их сбором, Саня потерял осторожность, и самцы рябчиков, сидевшие на деревьях, оказались бдительными и первыми покинули поляну, а за ними улетела и вся стая. Саня вернулся к отцу.

Тот уже мастерил шалаш, и Саня понял, что ночевать они будут на покосе. Жить на покосе в шалаше очень удобно. В ночное время он спасает от сырости и туманов, а днем от жары. Укрытый сверху толстым слоем веток и травы, шалаш не пропускает воду, хорошо защищает от ветра и комаров. Пока отец возился с шалашом, Саша приготовил место для костра и занялся заготовкой дров.

Отец вдогонку крикнул:

— Сано, бери старый настил из остожий, все равно новые рубить!

Чтобы стога не стояли уродами, мужики каждый год обновляли остожье и стожара. Пока шел покос, остожье высыхало, и сено стоговали на сухие новые ветки. Под стожары же брали не тонкие жердочки, а не менее как в руку толщиной жерди.

Вечером заварили чай из смородиновых листьев и корней шиповника. Собрались мужики к шалашу Николая на разговоры. Все они имели обычное середняцкое хозяйство, у каждого было по лошади да по корове, ну и мелкий скот. Здесь в лесу, на покосе разговоры свободные.

— А что, мужики, в колхозе-то, пожалуй, жить похуже, чем единолично,— начал разговор Михайло Соловьев,— заставляют половину земли засеять льном, а он не родится, даже с государством не расплачиваемся.

— Насчет похуже, это ты, дядя Михаил, не очень распространяйся, сам знаешь, что варнавинский уполномоченный говорил,— влез в разговор высокий, белокурый парень, собиравшийся этой осенью в Красную Армию.

— А что, мне уж хуже-то не будет, вон сестра Анны, жены моей, Евпраксия, из монастыря вернулась, так не приведи, Господи, послушать ее рассказов. Так этот уполномоченный у меня был и сказал напрямую: «Поскольку вы теперь родня монашки, то и на вас может распространиться закон о выселении из деревни».

— Это он загнул,— глухо промолвил Николай.— Сталин далеко не дурак, разберется Иосиф Виссарионович, по справедливости рассудит, ведь он — вождь, отец народов. Все образуется.

— Ты лучше, дядя Николай, расскажи, что про Пашку-то слышно. Куда он пропал? — снова перебил разговор белокурый.

Николай вытащил кисет. И словно нехотя медленно открыл его. Достал листочек газеты, свернул «козью ножку». Насыпал в нее махорки. Посмотрел на огонь. Не хотелось ему отвечать. А разговоров о политике он особенно не любил. Достал из костра горевшую веточку, прикурил. Саня еще не спал и сидел в стороне, все эти разговоры были ему интересны, а когда он услышал о Павле, внимание его заострилось. Однажды он слышал, как отец говорил матери о том, что не надо никому рассказывать все, что они узнали о Павле от мужика из Варнавина, приезжавшего за кирпичом.

Но Николай рассудил так: сколько не молчи, слухи все равно доползут в Югары. А может, и знали уже обо всем случившемся с его старшим сыном Павлом. Пашка в деревне всегда считался первым балагуром и шутником. За словом в карман не лез, мог любому дать отпор. Ростом пошел в отца и мать, был крепок и силен. На спор мог за один присест выпить ведро воды, всегда был заводилой деревенских парней. Вот уже лет пять прошло, как он отправился на заработки — гнать деготь, куда-то в леса под Красные Баки. Видели его и в Варнавине, но потом след Павла пропал окончательно.

— Мужики, а вы слышали, как в народе расшифровывается ОГПУ? — начал издали свой ответ Николай.— А вот как: О! Господи! Помоги убежать! А в обратную сторону? Убежишь. Поймают. Голову оторвут... Только, видно, наш Пашка-то не сумел убежать. Намедни приезжал Василий Сизов из Варнавина, так он откуда-то узнал про нашего Павлуху. Говорит, что, скорее всего, отправили его в Урень на лесозаготовки. А взяли его, как говорят в народе, за «длинный язык». Будто бы как-то на завалинке кто-то скажи: «Я, когда в нужнике подтираюсь, прежде погляжу, не портретом ли чьим. А то в газетах портреты одни, и все членов ЦК да правительства!». «А мне по хрену,— брякнул Павлуха.— Я, коли нужно, и Сталиным подотрись». Взяли, и как сгинул сынок наш шалопутный. С тех пор ни слуху, ни духу...

Искры от костра стремятся в звездное небо. А уставшему и засыпающему Саше сквозь неплотно закрытые веки казалось, что это летят светляки в звездное небо. Летят сквозь темноту и холод ночи. И не успевают долететь до звезд. Слишком маленький у них жар. Искры гаснут над костром, и оставшийся от них дым поднимается к вершинам елей. Вдали прогугукала сова. И снова тишина в лесу и мириады звезд над головой.

Через пару недель покосная пора заканчивалась. И каждое утро из Югаров приходили бабы с малолетками ворошить сено. Погода стояла солнечная и ветреная. Стога покошиками метались весело и споро. Будет зимой сено у коровы на языке, будут детям блины на молоке.

